

имущественно к привычке пьяного быть излишне откровенным, говорить то, что трезвый лишь подумает, но о чем он промолчит. Уже в старших записях отмечена поговорка, которая доживет и до сборника Даля: «Пьянова речь, а трезвова мысль» (Симони, стр. 134; Петр., стр. 33; Татищев, стр. 61; Богданов, стр. 108; Даль, стр. 794, с вариантом: «Трезвого дума, а пьяного речь»). Даль записал и другую поговорку на ту же тему: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке» (стр. 794; у Богданова записан явно ошибочный вариант: «Что у ково на мысли, то у тово и на языке» — стр. 117). У Даля есть и варианты: «Пьяный что малый: что на уме, то и на языке», «Чего трезвый не скажет, то пьяный развяжет» (стр. 794). Пословица высказывает и общее суждение о речах пьяного: «Вешний путь не дорога, а пьяного речь не беседа» (стр. 800).

Высоко оценивая ум (см. выше стр. 27—29), поговорка рано проявила снисходительное отношение к пьянству умного, уважительно относясь к тому, кто, и напившись, не теряет ума: «Пьян да умен — два угодыя в нем» (Симони, стр. 135; Петр., стр. 33; Татищев, стр. 61). Богданов записал расширенный вариант: «Пьян да глуп — так больше бьют, а пьян да умен — два угодыя в нем» (стр. 105). У Даля с небольшой перестановкой повторяется именно этот вариант: «Пьян да умен — два угодыя в нем; пьян да глуп — так больше бьют» (стр. 795).

Рядом с безоговорочным осуждением пьянства христианская учительная литература, вслед за античной, выработала наставления пьющему, в которых разъясняется, как и почему вредно действует на человека уже вторая чара вина.

Учительная литература признавала допустимыми лишь узаконенные святыми отцами три чаши, те, что выпиваются за трапезой во время пения тропарей. Эту мысль развивает св. Василий в «Слове, како подобает въздръжатиися от пианства». Четвертая чаша, наставляет Василий, — «от неприязни», хотя после нее еще продолжают «беседы благы» и «господие велиции» становятся милостивыми, готовыми помогать нищим. Зато «егда испьют 7-ю чашу, еже есть богопрогневателна», тогда начинаются «свары и лаяния, и за власы рвания, ин кровопролитие и убийство, ин же любодееяние и блуд, и всяку нечистоту и студи, ин же высокоумие и гордость...» Подробно описывается физическое состояние пьяного, испившего «бесовскую чашу»: «Зажжет вся внутренняя его, и начнеть утроба палима быти, гортань пресыхати, слины изгарати, устне спипатися, на губах смага спадеть, и тело все загорится, и в лице огнь явится, язык одеревянет, гортань ожестеет, очем зрак минет, уму сила оскудеет...» Таким натуралистическим портретом проповедник стремится предостеречь слушателя от «богопрогневательных чаш» вина.⁴³

О разном действии выпитых чаш предупреждали и сборники афоризмов. Пчела познакомила русских читателей с выпиской из Анахарсиса на эту тему: «Егда сядеши в пиру, первую чашу испьеши здоровью, а вторую — сладости, а третью — безумью, а последнюю — бесовствию» (стр. 263). К этому добавлено изречение Софоклиса: «Лоза три розгы ражаеть: первыи — с сластию, вторыи — пьянства, третьюю — безумью» (стр. 264).⁴⁴

⁴³ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, стр. 95—96.

⁴⁴ В письмах Фотия есть толкование басни Эзопа о трех виноградных кистях, созданных Дионисом: «Первую он взял себе, вторую отложил в подарок Афродите, а третью оставил на долю Спеси». Фотий толкует эту басню применительно к пьющим вино: «Первая гроздь предназначается для того, кто пьет вино только в меру своей жажды. А если кто, утолив жажду, все же продолжает пить вино уже от второй грозди, то хоть он и остается человеком, но равновесие свое теряет, позволяет увлечь себя